

Пока Цинь Чаншэн лихорадочно пыталась придумать безупречное оправдание, чтобы Сюй Цзин спустилась с горы одной, у той внезапно зазвонил телефон.

Кругом стояла тишина, и звонок так напугал Сюй Цзин, что она засуетилась, вытаскила телефон из кармана, кивнула Цинь Чаншэн и Цзян Чжунсюэ, затем отошла подальше и ответила.

Неизвестно, кто был на том конце провода, но голос Сюй Цзин звучал отрывисто, временами слышались «угу» и «поняла». Цинь Чаншэн подошла к Цзян Чжунсюэ, не сводя глаз с Сюй Цзин, и тихо сказала: «Хозяин лавки дал мне кое-какую информацию».

Цзян Чжунсюэ тихо «хмыкнула». Звук был едва слышен, но Цинь Чаншэн это даже обрадовало — хоть какая-то реакция.

Произнеся это, Цзян Чжунсюэ ожидала продолжения, но Цинь Чаншэн молчала. Тогда Цзян Чжунсюэ перевела взгляд с древней тропы напротив на лицо Цинь Чаншэн и тихо спросила: «И?»

Тон её голоса ясно давал понять: «Почему замолчала?»

Перед ними зияла бездна, за которой виднелась древняя тропа царства Шу. Горный ветерок приносил лёгкую прохладу.

Цинь Чаншэн, глядя на Цзян Чжунсюэ, с серьёзным видом спросила: «Почему ты не поела в обед?»

Цзян Чжунсюэ: «...»

Затем её лицо вновь стало холодным и безразличным. «Говори о деле».

Выражение лица Цинь Чаншэн оставалось серьёзным, голос тихим, но в нём слышалась затаённая обида. «Это и есть дело. Ты не позавтракала, не пообедала, а если вдруг упадёшь в обморок, кто тебя выручит? Мы сейчас одна команда. Ты взяла деньги у моего брата, значит, должна работать со мной, а не геройствовать! Ты что, думаешь, ты...»

— Ты что, думаешь, я кто? — резко оборвала её Цзян Чжунсюэ.

Цинь Чаншэн замерла.

Цзян Чжунсюэ стояла перед ней, и лицо её было мрачным, словно налитое тучей. Ветер гудел в пропасти, а из глубины доносились рыдания Лютых призраков, словно из самого ада.

Цинь Чаншэн вдруг почувствовала холод.

Цзян Чжунсюэ заслонила собой свет. Падающая от неё тень напоминала тёмный склон горы. Что таилось в ней? Притаившиеся духи или рыкающие чудовища?

Глаза Цзян Чжунсюэ затянулись холодной синевой, словно в них горел лёд. Она смотрела на Цинь Чаншэн с явной ненавистью, уголки губ искривились в насмешке.

— Цинь Чаншэн, — произнесла она отчётливо, растягивая слова, — какая же ты наивная и жалкая.

Слова застряли у Цинь Чаншэн в горле.

Спустя мгновение кровь ударила ей в голову, а гнев вспыхнул в груди, словно wildfire. Под ледяным, почти режущим взглядом Цзян Чжунсюэ Цинь Чаншэн выпрямилась и с вызовом произнесла:

— Наивная и жалкая? Смешно! Думаешь, я о тебе беспокоюсь? Цзян Чжунсюэ! Говорю тебе, если бы не поручение брата, разве стала бы я работать с такой психопаткой? Ладно, ты не общаешься, не участвуешь в планировании — это я ещё терплю. Но, Цзян Чжунсюэ! К чему эти издевательства над собой? Если ты рухнешь без сил и сорвёшь все планы, кто ответит за твоё безрассудство?

Цзян Чжунсюэ прищурилась. В её чистых, как горный источник, глазах вспыхнула ярость, а прекрасные черты лица застыли, словно высеченные изо льда.

— Цинь Чаншэн, — прошипела она, — как же я хочу тебя убить.

Цинь Чаншэн остолбенела.

Ледяной холод пополз от самого сердца. Цзян Чжунсюэ смотрела на неё, и в её взгляде читалась неподдельная ненависть, а ещё — какая-то невыразимая боль и отчаяние. Цинь Чаншэн отступила на шаг. Цзян Чжунсюэ не двинулась с места, лишь продолжала смотреть.

Они простояли так несколько мгновений. Сердце Цинь Чаншэн колотилось, как барабан. Она знала: Цзян Чжунсюэ не шутила. Она из тех, кто слова на ветер не бросает.

Хотя они знакомы всего день, Цинь Чаншэн чувствовала это с предельной ясностью.

Увидев, что та отступает, Цзян Чжунсюэ немного ослабила давление. В этот момент вернулась Сюй Цзин, закончив разговор, и тем самым положила конец неловкой сцене.

Не заметив напряжённости, Сюй Цзин с беспокойством сказала Цинь Чаншэн:

— Чаншэн, в школе проблемы, мне нужно спускаться. Вот невезение! Только я сбежала, как завуч начал переключку, и мне нужно отметить! Просто напасть какая-то!

Для Цинь Чаншэн это было настоящим подарком судьбы. Она кивнула Сюй Цзин, машинально взглянув на Цзян Чжунсюэ, и предложила:

— Я тебя провожу.

Сюй Цзин тут же замотала головой. Она тоже бросила быстрый взгляд на Цзян Чжунсюэ, но за эти доли секунды лицо той уже вернулось к привычному безразличию, словно предыдущий разговор был лишь игрой воображения Цинь Чаншэн.

Проводив Сюй Цзин, Цинь Чаншэн снова осталась наедине с Цзян Чжунсюэ. Кругом шумел густой лес, изредка раздавались птичьи трели. Цинь Чаншэн шла рядом с бесстрастной спутницей и не могла отделаться от мыслей: какие у неё отношения с братом и способна ли она на самом деле напасть?

На этот раз дорогу показывала Цзян Чжунсюэ.

Смеркалось.

Она не пошла ни вниз, ни вверх. Взяв в руку Чёрный зонт, Цзян Чжунсюэ повела Цинь Чаншэн через лес в другом направлении.

Тропинка была узкой, протоптанной путниками. Над головой сгустились тучи, солнце клонилось к закату. Наблюдая за действиями Цзян Чжунсюэ, Цинь Чаншэн терялась в догадках.

Она тайком отправила сообщение Цинь Шифэну, и тот ответил, вновь заверив, что Цзян Чжунсюэ абсолютно надёжна.

Та не сделает ничего, что могло бы навредить Цинь Чаншэн. Это что-то вроде договора, но его детали неизвестны даже Цинь Шифэну, ведь подписал его их дед.

Дед никогда не причинил бы вреда Цинь Чаншэн.

С самого детства она его боялась. Он всегда был строг и неприветлив, никогда не проявлял к ней теплоты, требовал быть первой в учёбе, не привередничать в еде, вести себя прилично. Если она не получала высшей оценки, дед бил её по ладоням бамбуковой палкой — раз за разом, пока она не рыдала, захлёбываясь, а он даже бровью не вёл.

Цинь Чаншэн всегда считала, что дед её не любит, пока однажды брат не сказал ей, что на самом деле она была его любимицей. Всю жизнь он пытался снять с неё проклятие. Он использовал свою кровь, чтобы подавить её глаза, а в конце, в поисках способа разорвать чары, умер на чужбине.

Он был так суров с ней потому, что боялся: вырастет она без сил и воли, не выдержит тяжести своей судьбы, сдастся слишком рано.

Те удары по ладоням были лишь способом закалить её, дать силу противостоять року.

До сих пор никто не знает, где покоится дед. Некому было проводить его в последний путь, и даже внуки, желая почтить его память, не знают, куда бросить горсть пепла.

Когда Цинь Шифэн рассказал об этом, Цинь Чаншэн была поражена и спросила:

— Дед был уже в годах. Если это он заключил договор с Цзян Чжунсюэ, то разве ей не должно быть столько же?

Цинь Шифэн предположил, что, возможно, договор заключал какой-то её родственник или предок, а теперь, когда пришло время его исполнять, обязанность легла на Цзян Чжунсюэ, которая оказалась ровесницей Цинь Чаншэн.

Вспомнив о деде, Цинь Чаншэн почувствовала, как глаза её наполняются слезами. Она шла следом за Цзян Чжунсюэ, опустив голову и стараясь попадать в её шаг.

Внезапно Цзян Чжунсюэ остановилась. Цинь Чаншэн, не успев среагировать, наткнулась ей на спину.

На мгновение она застыла, но тут же опомнилась, быстро огляделась и прошептала:

— За нами следят?